

Андрей Гуртовенко

ЖУРАВЛЕВ В НЕБЕ

роман

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Андрей Гуртовенко
Журавлев в небе
Серия «Интересное время»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74185906

*Журавлев в небе:
ISBN 9785969126633*

Аннотация

«Журавлев в небе» – история о талантливом молодом ученом, который возвращается после нескольких лет работы за границей домой, в Петербург. Он планирует продолжить карьеру на родине, защитить докторскую, создать собственную научную группу. Однако невозможно по-настоящему вернуться, если так и не разобрался, почему уезжал. Как невозможно усмирить, загнать в рамки свой талант. Потому что он больше, чем просто профессия, он глубже корней, важнее долга, сильнее воли начальства и чьих-то желаний. Потому что только он позволяет Журавлеву летать.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	18
3	24
4	35
5	44
6	53
7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Гуртовенко

Журавлев в небе

© А. Гуртовенко, 2026

© «Время», 2026

Часть 1

1

Пропущенный звонок

Когда с вахты позвонили и попросили на выход — девять часов вечера, Институт закрывается, — Журавлев не сразу даже понял, о чем речь. Он был уверен, что еще нет и шести. Да, вид из окна уже умыкнули ранние сумерки, но ведь так и должно быть в конце сентября. А отдающие желтизной светильники всегда сгущали краски и драматизировали, амальгамой электричества обращая окна в неуверенные в себе зеркала. Мысль зацепилась за слово «электричество», оно таинственно потрескивало и искрилось, и на секунду Журавлева забросило обратно, в головокружительный, отдающий мятной невесомостью поток. Но почти сразу он подскочил, как от разряда этого самого электричества, и схватил телефон: 21:09. Да как такое возможно?

Он лихорадочно, не попадая по иконкам потерявшим чувствительность пальцем, открыл мессенджер: была в сети полчаса назад. Не спала, ждала до полвторого ночи, но он так и не позвонил. А ведь ей завтра вставать в шесть утра, к восьми на работу. Невидимый кулак с силой ткнул по стенке же-

лудка: не позвонил. И сегодня уже не позвонит – слишком поздно.

Или же нет?

Он еще раз посмотрел на часы, еще раз пересчитал разницу во времени между Петербургом и Иркутском. Ага, давай, разбуди ее посреди ночи. Идиот.

На улице оказалось холоднее, чем он ожидал, хоть и мелькнула мысль, что ожидания эти оформились у него одновременно с торопливым натягиванием капюшона на озябшую голову. Какая все-таки несправедливость – в первый раз за неделю появилось несколько свободных часов, и вот пожалуйста. Добровольский с обеда уехал на какую-то встречу – впрочем, Журавлеву было безразлично, куда уехал завлаб. И еще позвонил отец Виталика, медлительного пухлого подростка, с которым Журавлев занимался последние пять месяцев. Сказал, что тот больше не нуждается в репетиторе: неожиданная, словно выигрыш в лотерею, возможность потратить остаток дня с пользой, несмотря даже на то, что уже завтра придется искать себе нового ученика. А потом случился этот провал в несколько часов глубины, и он забыл ей позвонить.

Эскалатор чуть заметно дрогнул под ногами, готовясь утянуть в себя ступени, спрямить углы в бесконечную, уходящую под землю ленту. Журавлев ступил на платформу, но почти сразу замедлил шаг и остановился. Судя по цифрам на табло, поездов не было уже три минуты, и на станции успе-

ли сгуститься нетерпеливые вечерние пассажиры. Это было, конечно, не сравнить с тем, что творилось на станции «Василеостровская» в часы пик, но людей было действительно много, они все прибывали и прибывали, растекаясь по сужающемуся вдаль, с этого ракурса практически бесконечному помещению. Именно помещению – «Василеостровская» была станцией закрытого типа, и туннели были наглухо заблокированы черным металлом дверей. Журавлев как замороженный рассматривал скопления людей возле перекрытых в ожидании поезда входов в вагоны, и тут внутри него что-то сдвинулось, и он прозрел: он не в метро, он на поверхности живой клетки. Он посреди снующих вокруг него липидных молекул, что выстилают каждую клеточную оболочку в организме. И как только он раньше этого не замечал? Они ведь практически неотличимы, липиды и люди – та же голова-туловище, те же две ноги. Ноги нужны им, чтобы стоять и еще – чтоб перемещаться по поверхности клетки. И они перемещались, некоторые практически без остановки, но эти их блуждания на плоскости, с виду осмысленные и целенаправленные, были на самом деле абсолютно случайны – можно подумать, и в самом деле имело значение, какое место в толпе на платформе займет данный конкретный липид...

Поезд с пронзительным гулом ворвался в туннель, заколотил по рельсовым стыкам, дрогнули от воздушной волны двери. Люди-липиды пришли в движение, уплотнились у готовых открыться дверей, и Журавлев замер в восхищении:

ни дать ни взять двумерная жидкость, подвижная, текучая и при этом плотная, почти эластичная, как и положено самому совершенному в мире барьеру. В этот момент кто-то сильно толкнул его в спину, он очнулся и тотчас сам превратился в липид, вязко, с натугой диффундировал через неподатливую толпу к краю платформы. Полотно черного металла, преграждавшее вход в вагон, распалось на две половины, со скрежетом исчезло в углублениях стен, и спустя пару мгновений людской поток втянул Журавлева внутрь.

Когда он добрался до дома, была уже половина одиннадцатого. Журавлев мог бы приехать раньше, если бы не пропустил пересадку. Но он ее пропустил, укатился далеко за нужную ему остановку, совершенно забывшись в погоне за электричеством, что ускользало от него по обвитому проводами тоннелю метро. Внезапное переключение оптики, магическое превращение людей в липиды само собой вернуло Журавлева к тому, над чем он размышлял весь день в Институте. К электричеству, к разности потенциалов. К электрическим импульсам большой мощности. К идее воздействовать электричеством на молекулы липидов в клеточных мембранах. Он смотрел вокруг себя и все больше убеждался, что это возможно. Он видел, с какой силой электричество притягивало головы сидящих в вагоне людей к светящимся экранам смартфонов. Как послушно люди-липиды клонились по ходу движения, когда поток электронов в чреве состава замедлялся перед каждой станцией. И как мотало их головы туда-сю-

да, когда, увлекшись, электричество чересчур разгоняло поезд. Журавлеву казалось, что еще чуть-чуть, и он ухватится за что-то важное, за невидимый пока, но такой близкий кончик бечевки, потянув за который удастся распутать весь клубок целиком. Но вместо этого его слух оцарапало названием станции, на которой остановился состав. Названием незнакомым настолько, что Журавлеву в первый момент померещилось, что поезд каким-то удивительным образом пробил тоннель и вылетел за пределы Санкт-Петербурга. Журавлев торопливо поднялся и вышел из вагона, оставляя за спиной так и не случившееся с ним озарение. Видение людей-липидов тоже постепенно сошло на нет, уступило место тоскливой реальности. Ведь завтра будет новый день, он обязательно будет, ничего с этим не сделать. И Журавлеву придется ей звонить, придется объяснять, просить прощения и опять объяснять, и никакие липиды тут не помогут.

– Витя, что случилось? – испуганно произнесла Вера, едва он переступил порог, и Журавлева уколола не дающая сбоев проницательность жены: если когда-нибудь ему вдруг понадобится от нее что-то скрыть, как, интересно, он это сделает?

– Слушай, я матери забыл позвонить, – сказал Журавлев. – Заработался, совсем вылетело из головы.

Вера ждала продолжения, а когда поняла, что это *все*, с облегчением пожала плечами:

– Ну ничего. Завтра позвонишь.

– Вер, завтра я ей и так позвоню...

В этот момент из детской послышался глухой удар, за которым последовало короткое английское ругательство.

– Антон что, еще не спит? – удивился Журавлев.

– Ему завтра ко второму уроку.

– И что?

Вера снова пожала плечами, на этот раз словно приглашая: можешь сам у него спросить.

Журавлев постучался и, не дождавшись ответа, толкнул дверь в комнату сына. Но внутрь пройти не смог, остановленный на пороге невидимой, но совершенно неодолимой преградой из оторопи и брезгливости. Слой пыли, обрывки каких-то бумаг, фантики, пустая бутылка из-под колы, разбросанные – по столу, тумбочкам, подоконнику – учебники и тетради, грязные носки по углам, скомканное полотенце на полу (на полу!), неубранная постель, перекрученное жгутом одеяло. стакан с газировкой на столе без подставки – Журавлева передернуло. Сам Антон, в больших черных наушниках с микрофоном, полулежал в компьютерном кресле перед монитором, по которому бегали, стреляя и взрываясь, ядовито-зеленые гады. Журавлев окликнул сына, тот обернулся, но тотчас снова прильнул к экрану:

– Hi Dad.

Журавлев задержал дыхание, в несколько быстрых шагов пересек комнату и, подобрав с пола круглую картонку, подсунул ее под липкий стакан на столе. И в ту же секунду мучительный зуд на коже немного ослаб.

– Антон, ты так и не убрался в комнате – я ведь тебя просил.

– I got it, пап. Я все уберу, – Антон по-прежнему не смотрел на отца, лишь приспустил один из наушников.

– Так убирай.

– Счас busy – у нас тут big fight.

Журавлев ничего не ответил. Он наклонился, заглянул под стол, туда, где прятался черный, мигающий одиноким светодиодом компьютер, и коснулся кнопки питания. Экран погас, Антон раздраженно хлопнул рукой по клавиатуре: «What the fu...», но, быстро сообразив, что произошло, снял наушники и поднялся, исподлобья глядя на отца. На нем опять была его британская школьная форма, из которой он окончательно вырос, – Журавлев не без удовлетворения отметил, как вытянулся сын за последние месяцы. Рукава джемпера были сантиметров на десять короче, чем следовало, и это придавало Антону вызывающий и в то же время комичный вид.

– И я просил тебя не говорить по-английски дома, – сказал Журавлев.

– All right.

– Антон?

– Да, хорошо.

Журавлев еще раз посмотрел на разгромленную комнату, перевел взгляд на сына и почувствовал бессилие. То ли перед вконец обнаглевшей энтропией, перевернувшей здесь

все вверх дном. То ли от напрасности ежевечернего проговаривания одних и тех же реплик – словно нескончаемые репетиции утомившего их обоих спектакля. Сейчас он опять спросит, сделал ли Антон уроки, и услышит в ответ – ничего не задано. Попросит показать дневник, увидит полученные сегодня двойки и в очередной раз узнает от сына всю правду об учителях-идиотах. Особенно об англичанке с ее железобетонным произношением, которая вот уже третий год пытается выбить из Антона его йоркширский диалект. После этого он спросит сына, как так вышло, что вокруг него одни идиоты, но в этот момент в комнате появится Вера и разведет их, словно боксеров, по разным углам. Мужа – на кухню, сына – чистить зубы и спать.

На следующее утро, едва проснувшись, Журавлев первым делом набрал Иркутск. Он с нетерпением вслушивался в длинные гудки, представляя себе, как вибрирует телефон за пять тысяч километров отсюда, как мать смотрит на экран и протягивает руку к смартфону. Но, очевидно, не дотягивается – гудки оборвались, и строгий голос произнес: номер не отвечает. Он подождал несколько минут, надеясь, что мать перезвонит, но чем дольше молчал телефон, тем хуже Журавлеву дышалось и тем отчетливей проступало пережитое сегодня ночью. Это был даже не сон, скорее мытарства человека, запертого в пустом герметичном помещении без окон, из которого постепенно выкачивали воздух. Натужно гудели невидимые насосы, несильно, но угрожающе вибрировал под

ногами пол, и Журавлев всем телом ощущал, как в комнате падает давление и подходит к концу кислород: он дышал все чаще и все тяжелее, кружилась голова, и сердце протестующе требовало выпустить его из ставшей чересчур тесной грудины. И еще он плакал. Буквально: неожиданно горячие, чуть ли не обжигающие слезы струились по щекам и подбородку, стекали по шее, капали на пол, и именно они были его главной проблемой – в комнате была дверь, и чтобы оборвать прогрессирующую асфикию, достаточно было отворить дверь и выйти наружу. Но он не мог. Пока плакал, не мог. Он откуда-то знал, что пока он в слезах, эта дверь не откроется. Так было раньше и так будет сейчас. Поэтому он изо всех сил пытался унять горчащую влагу, но лишь размазывал соль по распухшему, постепенно синеющему от удущья лицу...

– У нее же уроки сейчас, в Иркутске час дня, – сказала Вера. – Позвонишь ближе к вечеру. Когда вы обычно с ней говорите? Часов в пять? Позже?

– Где-то с пяти до шести, – сказал Журавлев.

– Ну вот видишь.

У Веры для всего находились правдоподобные объяснения, и сейчас ее слова тоже звучали логично. Хоть и неубедительно. Журавлев чувствовал – что-то не так, дело вовсе не в уроках, не в том, что мать занята сейчас в школе. Ее молчание было платой за то, что он вчера не позвонил. Он предвидел это еще накануне и внутренне готов был платить, но

сейчас у него вдруг возникло странное ощущение, что мать откуда-то знала, почему он не позвонил, из-за чего это произошло. Знала о восхитительном выпадении из реальности, случившемся с ним вчера. О том разламывании, а на самом деле – внутренней остановке, когда физические законы мира все до одного перестают работать, и он снова, как в детстве, отрывается от земли, захлебываясь от подступающей, словно обморок, невесомости. Ему настолько не хватало, оказывается, этого ощущения, что он бы, не задумываясь, отдал что угодно, только бы пережить его еще раз. И если бы у него была возможность изменить вчерашний день, он знал – хоть и боялся признаться себе в этом, – что не стал бы ничего менять. И это делало его чувство вины особенно острым.

Он уехал в Институт и с трудом дотянул до конца рабочего дня – Добровольский появился в лаборатории с самого утра и словно поставил себе целью отыгаться за вчерашнее отсутствие. В обед Журавлев дошел до набережной и несколько минут считал проплывавшие под мостом катера и туристические теплоходы, но и это сегодня не смогло его успокоить. Так что когда наступило время звонить в Иркутск, он чувствовал себя полностью опустошенным – настолько, что, когда мать не подошла к телефону ни в пять часов, ни в шесть, он совсем не удивился. Было очевидно, что он наказан, и ему ничего не оставалось, кроме как ждать. Ждать, невзирая на то, что это затянувшееся на много часов напряжение совершенно лишило его сил. На автомате он сложил

бумаги в рюкзак, решив, что по дороге домой сделает еще одну попытку. Видимо, последнюю на сегодня – в Иркутске был уже двенадцатый час ночи.

Она позвонила сама, застигнув Журавлева посреди запруженного автомобилями перекрестка Среднего проспекта и Кадетской линии. Он торопливо шагнул в ближайшую подворотню, миновал загаженный голубями сводчатый проход и остановился между скоплением припаркованных машин и зеленым мусорным контейнером. Не лучшее место для разговора с матерью, но уж какое есть.

Он, запинаясь, принялся извиняться за то, что не смог вчера позвонить. Сказал, что было много работы, что он потерял счет времени, а когда собрался наконец набрать ее номер, было уже слишком поздно, она наверняка уже спала...

– Ничего страшного, Витя, – перебила его мать. – Я привыкла.

Журавлев задохнулся: привыкла? Что значит «привыкла»? Разве они не созваниваются каждый день? Разве...

– А я в церкви вчера была, – вдруг произнесла мать. – Отстояла службу, поставила свечку. Все-таки годовщина деду твоему, круглая дата. Тридцать лет, как я его схоронила. Он тебя очень любил. И очень тобой гордился.

Так вот оно что! Вот, оказывается, в чем было дело – Журавлев умудрился пропустить вчера годовщину деда. Словно просто забыть позвонить матери было недостаточно – нужно было что-то еще. Да ведь если бы он нарочно захотел сделать

ей больно, то вряд ли придумал что-нибудь хуже...

Журавлев с тоской прервал затянувшееся молчание и пообещал, что они с Верой и Антоном сходят в церковь, поставят свечку за упокой души деда.

– И фотографию мне пришли вашу из церкви, – сказала мать, – хочу на вас на всех посмотреть.

Журавлев представил лицо Веры, когда она об этом услышит, но сделал над собой усилие и пообещал матери. Это как-то сразу ее успокоило, и их разговор не покидал больше мирного русла. И только в самом конце, когда речь зашла о докторской диссертации, они немного поспорили.

– Сколько он ее уже смотрит? – спросила мать.

– Точно не знаю... – замялся Журавлев, хотя это было, конечно, неправдой: все дни у него были посчитаны. – Второгой месяц пошел.

– А я знаю, – сказала мать. – Шесть с половиной недель.

Повисло молчание.

– Добровольский сказал, что ему нужно месяца два-три, не меньше, – наконец проговорил Журавлев. – Как-никак там четыреста страниц.

– Если ему не напоминать, он может сколько угодно валандаться – и полгода, и год, – сказала мать. – Сказано ведь: просите, и дано будет вам. Стучите, и отворят вам. В конце концов, кому это надо – тебе или ему?

– Мне, – сказал Журавлев.

– И мне тоже, Вить. Мне тоже очень хочется дожить и уви-

дeть, как мой сын станeт доктором наук. Не забывай об этом, пожалуйста.

Пятнадцать

С раннего детства Виктор был окружен числами – все предметы в мире существовали лишь для того, чтобы он их считал. Он подсчитывал пальцы на руках и шаги, кубики, мячи и машинки, яблоки на глубоком синем блюде и ложки с вилками, прятавшиеся в ящичке кухонного стола. Он считал лужи, окна в домах, считал идущих навстречу им с мамой людей в военной форме, большие урчащие грузовики на дороге, фонарные столбы и деревья.

Однажды рассмотрев в сыне эту особенность, мама тотчас ухватилась за нее и с тех пор уже не разменивалась ни на что другое. У нее за плечами были пединститут и несколько лет работы учителем начальных классов. И когда ее собственный сын немного подрос, он попал в профессиональные натренированные руки. «Каждый ребенок талантлив по-своему», – раз за разом повторяла мама на родительских собраниях, но сама никогда не верила в эту чушь. Потому что ее ребенок – это не «каждый», он просто обязан быть талантливым. И талантливым не «по-своему», а по-настоящему – так, чтобы весь мир об этом узнал. А самое главное – признал.

К поиску талантов своего первенца мама подошла основательно и со всей серьезностью – насколько это вообще было возможно в небольшом военном городке. В рисовании и му-

зыке она не стала полагаться на себя и через знакомых нашла нужных специалистов в Перми. Они съездили на несколько вводных занятий, и вердикт обоих преподавателей был неутешителен – особых склонностей ее сын не обнаружил. Пока, во всяком случае; вердикт – не приговор и обжалованию подлежит, оговорились учителя живописи и музыки, и мама была им за это благодарна, ведь сказать «нет» тоже можно по-разному. Спорт сразу же был отвергнут, он был настолько неотделим от жизни военного гарнизона, что в занятиях легкой атлетикой, лыжными гонками или волейболом маме мерещилась та самая жизненная траектория, от которой она всеми силами хотела уберечь сына. А вот с числами или склонностью к языкам она могла справиться без посторонней помощи, нужно было лишь внимательно наблюдать и знать, на что обращать внимание. И когда стало очевидно, что Виктор просто одержим счетом всего и вся, мама, не раздумывая, принялась за дело.

Они выучили числа, сперва от одного до девяти, но очень быстро добрались и до двузначных. К удивлению мамы, Виктор без труда переключился с предметов на числа – он с легкостью складывал кубики с мячами, машинки с солдатиками, а счетные палочки с разноцветными брусками пластилина. А вот с чем у него возникли проблемы, так это с усидчивостью. Временами он капризничал и отказывался заниматься. Иногда, не доделав задание, отвлекался на что-то другое. Но больше всего ее раздражало, когда, не справившись с на-

скока с заданием, Виктор расстраивался и начинал плакать. И здесь маме очень пригодился опыт учителя – все-таки ей приходилось часами удерживать под контролем три десятка непоседливых первоклашек. Так что она была уверена, что ей под силу решить проблемы с прилежанием одного-единственного пятилетнего мальчика. Хотя повозиться, конечно, пришлось.

После чисел они перешли к цифрам. Мама настраивалась на долгие объяснения, готовилась терпеливо растолковывать, чем цифры отличаются от чисел, но Виктору понадобилось лишь несколько минут, чтобы во всем разобраться. И с этого момента он, поощряемый ее одобрительными улыбками, принялся отыскивать цифры вокруг себя. А они оказались повсюду, куда ни глянь, и что было самым удивительным – числа, что жили в этих цифрах, были уже готовыми, их не нужно было считать. Цифры обнаружились на часах, в газете и на каждой книжной странице, в календаре, на телефонном аппарате и на двери квартиры, на уличном термометре и на разноцветных бумажных полосках, которые мама называла деньгами. На улице тоже все было в цифрах: они были на машинах, а также на домах, которые оказались пронумерованы как-то странно, не по порядку. Номера домов прыгали через один – так Виктор узнал, что бывают четные и нечетные числа. А еще оказалось, что деньги бывают не только бумажными. Мама показала ему монеты, потемневшие коричневые кругляши разного размера, и Виктор

потратил пару дней, увлечено разменивая пятак всеми возможными способами.

А затем мама принесла домой «пятнашки».

Поначалу мамина покупка не впечатлила Виктора. Подумаешь, белые пластмассовые квадратики, пронумерованные от одного до пятнадцати, – в монеты играть было не в пример интересней, особенно когда к медякам добавились серебристые кружочки с двумя цифрами. Мама вытащила костяшки из плоской квадратной коробки и попросила Виктора разложить их по порядку, по возрастанию чисел. В следующем задании Виктор должен был отделить четные числа от нечетных, сложить те и другие по отдельности и выяснить, какая из получившихся сумм больше. Затем мама забрала себе костяшку под номером десять, а Виктор подбирал пары квадратиков, дававшие при сложении мамино число. Задания были слишком простыми и к тому же знакомыми – похожие манипуляции Виктор уже проделывал с числами на карточках, которые они с мамой нарезали из огромного листа ватмана. И тут мама показала ему, как *на самом деле* играют в эту игру.

Мама перемешала пластмассовые квадратики и вернула их в коробку, в которой обнаружилось свободное место – в точности для еще одной костяшки. Мама объяснила, что нужно сдвигать квадратики по одному, используя незанятую клетку, пока все числа не встанут по порядку, от одного до пятнадцати. И еще она сказала, что собрать головоломку по-

лучается не всегда. После чего на пару недель потеряла ребенка.

С этого дня Виктор при каждой возможности хватался за «пятнашки». Он стал хуже есть, часто просыпался по ночам и с трудом мог сосредоточиться на занятиях. И когда мама уже решила забрать у него игру, Виктор неожиданно сам к ней охладел. «Я научился», – сказал он, отдавая маме головоломку, и она, перемешав костяшки в коробке, попросила показать. К ее удивлению, Виктор не притронулся к игре, он какое-то время не мигая смотрел на расположение чисел, после чего сказал, что головоломку невозможно собрать. Мама не поверила, но быстро убедилась, что сын прав. Она сделала еще несколько попыток, но результат оказался тем же самым – Виктор мог с ходу, просто взглянув на головоломку, определить, можно ее собрать или нет.

Мама отложила игру, изумление на ее лице постепенно сошло на нет, уступило место растерянности и благоговению. Она выглядела как человек, который готовился терпеливо искать всю свою жизнь, но поиски, едва начавшись, внезапно увенчались успехом. Причем успехом полным, безусловным и окончательным, таким, о котором нельзя было даже мечтать. Ведь она не просто отыскала клад, обнаруженное ею сокровище было совершенно непостижимым. Вот как, каким образом пятилетний ребенок, плоть от ее мало чем примечательной плоти, мог за секунды просчитать в уме миллионы вариантов? Виктор озадаченно смотрел на маму,

ожидаю, что она сейчас улыбнется и похвалит его – как всегда, после правильно выполненного задания. Но вместо этого он с ужасом разглядел на ее лице слезы – те самые слезы, что были для него под строжайшим запретом. Мама поняла свою оплошность, она резко притянула сына к себе и принялась осыпать его мокрыми солеными поцелуями, повторяя как одержимая: ты мой маленький-маленький гений. Виктор утонул в маминых объятиях, обхватил ее руками за шею и, ощущая всем телом, как дрожит и вздымается ее грудь, почувствовал себя абсолютно счастливым. Хоть и не знал еще, что его детство только что кончилось.

Федеральная целевая программа

Журавлева всегда поражало, насколько мало он знает. Все, до чего он смог дотянуться, все, что сумел для себя понять, оказывалось на поверку лишь крохотным клочком земли посреди бескрайних континентов накопленного за тысячелетия знания. И чем дальше, тем меньше он верил, что когда-то давно существовал человек универсальный. Вроде Леонардо да Винчи, который, согласно преданиям, был и художником, и музыкантом, и ученым-изобретателем, и даже писателем. Больше похоже на небольшого размера университет, чем на реального исторического персонажа. Да, тот был гением, это понятно, но только что это объясняет? Может, все дело просто в меньшем количестве информации? Что-то он ничего не слышал о современных Леонардо да Винчи. Да и откуда им взяться, если даже в своей, исхоженной вдоль и поперек области Журавлев все время наталкивался на совершенно неведомые ему пласты. На неожиданные заповедные ниши, в которых годами трудились сотни ученых, а он ничего об этом не знал. И даже не слышал. Так вышло, например, с электрическим полем.

Липидные молекулы, что настигли Журавлева на платформе станции «Василеостровская», интересовали его не сами по себе – из липидов состояли мембраны клеток. Как

и всегда, природа действовала продуманно и логично: поскольку клетки в организме наполнены водой, потребовалось отделить каждую из них надежной оболочкой. А что удерживает воду лучше жира? Все правильно – только другой жир. Тут и вступают в дело молекулы липидов: их головы гидрофильны, они тянутся к воде, а ноги – нерастворимые жирные кислоты. Поэтому в воде липиды образуют двойной слой: ноги к ногам, жирные кислоты прячутся внутри, а головы – все до одной – торчат наружу. Так выглядит – в грубом приближении – мембрана вокруг клетки. Ну и поскольку в центральной части у мембраны пленка жира, она непроницаема для воды.

Именно в этом двойном слое из липидов Журавлев много лет искал слабые места, пытаясь пробить барьер, созданный природой. И двигал им не один лишь отвлеченный интерес: кто контролирует проницаемость мембран, тот управляет жизнью клеток. Тот может уничтожить клетку, разорвав ее мембрану. Или, напротив, вылечить ее, слегка раздвинув слой липидов для терапевтических молекул. И тут все средства были хороши: Журавлев прикладывал к липидам ультразвук, подмешивал в воду этанол, растягивал мембрану за края. А теперь вот, когда докторская диссертация наконец дописана, когда все, что он сделал до сих пор, упорядочено и собрано под одной обложкой, очередь дошла и до электрического поля. Правда, как только Журавлев начал в этом разбираться, он обнаружил, что изобрел велосипед. Электриче-

ство давным-давно уже использовали, чтобы воздействовать на клетки, был даже специальный термин – электропорация.

Журавлев скачал несколько обзоров по электропорации, и перед ним открылся новый дивный мир: электричество на службе медицины. Выяснилось, что электрическими импульсами и вправду можно увеличить проницаемость мембран – были лекарства, которые по-другому не работали, и только электричество могло внедрить их в цитоплазму. И то же самое электричество было способно убивать: через поры, созданные разностью потенциалов, на поверхность мембраны выходили специальные липиды-маркеры, и это запускало апоптоз, программируемую клеточную смерть. Существовала даже электрохимиотерапия – когда пациентам вводили противоопухолевые препараты, а через злокачественные образования пропускали электрические импульсы. Отыскились в этих обзорах и совсем уж экзотические области. Электропорацией можно было стимулировать слияние клеток – даже таких, которые никогда бы не соединились сами по себе. Утверждалось, что это спонтанное слияние клеток происходило еще в доисторические времена, когда молнии били по поверхности мирового океана. Когда посреди душного нефтяного неба вдруг высверкивал стремительный росчерк Бога, и вода жадно вбирала в себя внезапную электрическую благодать. Бурлила, исходила пузырящимся газом от разлитого по поверхности мегавольтного напряжения. Приготовляла в своем чреве новую, доселе неведомую

жизнь...

Дверь в кабинет приоткрылась, и показалась голова Ивана Колесникова: удивленный, немного испуганный взгляд, полное покрасневшее лицо с рыжей бородкой, которую давно было пора подровнять.

– Да, Иван, чего? – Журавлев лишь на мгновение оторвался от статьи на экране, оставив вошедшего на периферии зрения. И мыслей.

– Виктор, совещание у Александра Эдгаровича уже началось. Все ждут только тебя.

Взгляд остановился посреди предложения, объясняющего как с помощью электрического поля получают клеточные вакцины для иммунотерапии рака. Точно. Сегодня же среда. А по средам Добровольский проводит совещания по федеральной целевой программе.

– Сегодня встреча по федеральной целевой программе, – эхом проговорил его мысли Иван, одновременно распахивая дверь, так что его приземистая, с каждым годом набирающая солидности фигура целиком утвердилась в проеме.

Журавлев кивнул, и Иван тут же исчез, аккуратно прикрыв за собой дверь. Оставшись один, Журавлев какое-то время всерьез раздумывал, не дочитать ли до конца статью. Но затем резко поднялся, обрывая невидимые, гудящие от электричества нити, что связывали его с текстом на экране. Отыскал на столе блокнот с авторучкой и направился к выходу. Черт бы побрал эти совещания!

Он прошел по коридору, спустился на первый этаж и неожиданно споткнулся: дверь. Запер ли он кабинет? У него там ноутбук, документы, бумажник... Так запер или нет? Журавлев в нерешительности потоптался на месте. Ну начинается. Он попытался было мысленно перенестись в тот момент, когда покидал кабинет, но у него ничего не вышло. Вообще, сейчас следовало просто не думать об этом, переключиться на что-то другое. Попробовать, к примеру, посчитать массивные, изъеденные временем плиты, которыми выложен пол в коридоре Института, но он слишком хорошо себя знал. Пришлось возвращаться. Пришлось опять подниматься по лестнице, через узкий обшарпанный коридор – к кабинету. И нажимать на ручку двери: закрыто. Отыскивать в просвете стальную полоску запора и наваливаться на дверь плечом. Закрыто. Квантовая механика в действии: наблюдение меняет результат наблюдения. Сейчас кабинет заперт, но останется ли это утверждение верным, если он еще раз толкнет плечом дверь?

Когда Журавлев добрался наконец до кабинета заведующего, там все оказалось заполнено плотной, застоявшейся тишиной. Ее генерировал лично Александр Эдгарович Добровольский – он тяжеломерно развалился в кресле во главе длинного овального стола для совещаний и с отсутствующим видом смотрел в телефон. Тишина стекала с его грузной фигуры, расплзалась по комнате – выплескивалась со стола на пол, карабкалась, клубясь, по стенам к потолку, закладывала

уши, обволакивала и усыпляла. Но стоило Журавлеву войти, как весь этот морок тотчас растворился, словно был плодом его провинившегося воображения. Присутствующие – следуя за сумрачным взглядом отложившего телефон завлаба – повернулись в его сторону, и Журавлев ничего не успел даже произнести в свое оправдание.

– Виктор, заведите уже привычку появляться на совещаниях вовремя, – сказал Добровольский, и его голос странно исказился, отразившись от расслабленных долгим молчанием стен. – Поставьте себе будильник, что ли, на телефоне. Сколько можно?

Журавлев пообещал в следующий раз так и сделать, но то ли выбрал не совсем верный тон, то ли слова завлаба не предполагали его реакции, и Добровольский помрачнел еще больше. Он, прищурившись, смерил Журавлева взглядом, словно взвешивая подчиненного на карьерных весах, и тот понял, что в ближайшие дни о докторской диссертации не стоит даже заговаривать. Мест за столом уже не было, поэтому Журавлев отыскал свободный стул у стены, и совещание началось.

Федеральная целевая программа, в которую Добровольскому удалось вписаться пару лет назад, была священной коровой лаборатории. Именно она приносила основной доход сотрудникам, а вовсе не те едва различимые в расчетных листках цифры, которые по традиции назывались зарплатой. Был еще, конечно, Фонд, но получить его гранты

было совсем непросто. К тому же Фонд за свои деньги требовал опубликованные в журналах статьи, много статей, а федеральная целевая программа подсчитывала главным образом страницы отчетной документации – чем больше, тем лучше. Отчеты возили в Москву коробками из-под офисной бумаги, килограммами брошюрованных томов. Впрочем, какие-то публикации по федеральной целевой программе все-таки были нужны, и именно с этим сегодня возникли проблемы.

Журавлев не очень понял, как так вышло, что к концу года у них не хватает статей. Уточнять не хотелось, да и что Добровольский мог рассказать? Пару излюбленных историй о том, как российских ученых гнобят в международных журналах? Это все равно ничего не меняло – лаборатории срочно нужна была журнальная публикация, а это уже серьезно. Публикации – не отчеты, их нельзя компилировать из чего угодно – из воздуха, из воды, из протертых штанов, ссутуленных спин и потраченных на совещания жизней. Журавлев видел, как сидящие вокруг стола научные сотрудники один за другим втягивают головы в плечи под пристальным взглядом начальства. Точь-в-точь, как не выучившие уроки троечники. Именно троечники, ведь двоечники ведут себя совершенно иначе, их не испугать какими-то там оценками, и они никогда не прячут глаз. А сейчас такое страусиное поведение было вдвойне комично, ведь никто из находившихся в кабинете был не в состоянии написать статью за пару

недель, Журавлев знал это наверняка. И что важнее – знал это и Добровольский, так что вся эта чересчур затянувшаяся пауза была всего лишь бессмысленным театральным позерством. Так оно и вышло: когда Добровольскому наконец наскучило изводить сотрудников неподвижным вопросительным взглядом, он остановил свой выбор на Журавлеве. «Как на опоздавшем», – пошутил завлаб, и присутствующие на совещании подобострастно заулыбались, расправляя затекшие от напряжения плечи.

– Времени очень мало, – сказал Добровольский, – и напечатать статью в приличном международном журнале мы уже не успеем. Поэтому предлагаю сосредоточиться на отечественных изданиях. Не нужно ничего экстраординарного, у вас наверняка остались неопубликованные результаты, и я уверен – вы без труда сможете составить на их основе небольшую статью. В ближайшее время мне понадобятся от вас ее название и аннотация. А я пока позвоню в одну из дружественных редакций и договорюсь, чтобы нам заранее дали справку о том, что статья принята в печать.

Журавлев кивнул, хотя никакого согласия от него не требовалось. Оно было прописано в его зарплатной ведомости, где два раза в год – в июне и декабре – появлялись крупные выплаты по федеральной целевой программе и по другим грантам заведующего. И еще в черновике его докторской диссертации, которая второй месяц томила где-то здесь, в этом кабинете.

Покончив со статьей, Добровольский принялся распределять отчетные материалы по федеральной программе, и сотрудники лаборатории заметно оживились. Журавлев же, напротив, стал выпадать из происходящего, тщетно пытаясь уследить за нагромождениями тяжеловесных бессмысленных слов. Мероприятие один-пять, вторая очередь, этап номер три, техническое задание, пояснительная записка, эскизный проект, аннотированный отчет, ГОСТ 7.32-2001, договор подряда, акт сдачи-приемки... Бюрократический язык проникал в фундаментальную науку, прорастал в ней как метастазы, и в такие моменты Журавлеву мерещилось, что еще немного, и какой-нибудь там покровитель точных наук не выдержит и обрушит им на головы потолок. Когда завлаб добрался до них с Иваном, Журавлев с облегчением положился на своего педантичного соседа по кабинету – ровным, как у отличницы, почерком тот зафиксировал в блокноте доставшиеся им разделы отчета, и вскоре после этого совещание завершилось.

Только ближе к вечеру у Журавлева появилась возможность вернуться к электропорации. Он распечатал несколько статей, чтобы просмотреть их дома. Но не все, некоторые работы – те, которые изобиловали цветными графиками и рисунками – было удобнее читать с монитора, их до неузнаваемости уродовал при печати сконструированный в монохромной парадигме лазерный принтер.

Иван Колесников сидел перед компьютером за соседним

столом и монотонно, как истукан, барабанил по клавиатуре, время от времени сверяясь с черновиком отчета, на который у Журавлева ушло почти три часа. Они с Иваном всегда работали в паре – на таких вот далеко не случайных связках и держалась лаборатория Добровольского. Тех, кто генерировал идеи и задавал направления, неизменно сопровождали скрупулезные сверх всякой меры исполнители. Это выходило как-то само собой, между делом, и мало кто задавался вопросом, в какой момент и при каких обстоятельствах происходило это распределение ролей. Вот и сегодня Иван, уткнувшись в монитор, методично заполнял наброски Журавлева «водой». Сам он, правда, предпочитал называть это «мясом», но Журавлеву, как человеку, увлеченному биологией, вода была все-таки ближе.

Внезапно щелканье клавиатурой за соседним столом оборвалось. Журавлев поднял голову и увидел завлаба, беззвучно появившегося в кабинете. Добровольский подошел вплотную к его столу и спросил, как продвигается работа над отчетом. Журавлев замешкался, вместо него подал голос Иван, но Добровольский даже не повернулся в его сторону. Он взял со стола Журавлева одну из статей по электропорации, прочитал заголовок и положил ее обратно.

– Я только что позвонил в редакцию и обо всем договорился, – сказал Добровольский, прищурившись сильнее обычного. – Журнал пришлет нам подтверждение, что статья принята в печать. Но для этого, как вы понимаете, им

требуется название статьи. Лучше всего – сегодня до конца дня. Сделаете?

Журавлев посмотрел на одутловатое круглое лицо завлаба, на его сузившиеся за шестьдесят девять лет щелочки-глаза и молча кивнул. Добровольский ушел, Иван вернулся к работе, защелкала клавиатура, зашелестели страницы. На экране монитора перед Журавлевым была открыта обзорная статья по электропорации – словно портал из мира контрольных индикаторов федеральной целевой программы во вселенную большой науки. Он помедлил какое-то время, но все-таки закрыл файл. Затем убрал со стола статьи по электропорации, сложил их в папку, словно в небольшой пластиковый гробик с завязками. Ну ничего, после защиты докторской все будет по-другому. Он сам будет решать, *что* для него важно, а что нет. И никто больше не сможет заявляться сюда и говорить, что ему делать.

Пневмония

В первый раз Виктор подумал, что с ним что-то не так, когда пошел в школу. К этому времени они с мамой занимались уже по несколько часов в день. К заданиям с числами добавился алфавит, у Виктора появился букварь, а чуть позже несколько книжек с цветными картинками и словами на негнущихся страницах из толстого картона. Впрочем, словами их называла мама, для Виктора же это были просто наборы букв, некоторое количество непонятных значков, которые нужно было посчитать. Что он всякий раз и проделывал и только после этого пытался прочесть слово по слогам. Но даже когда это ему удавалось, смысл произнесенного часто оставался неясен. Чтение не доставляло Виктору удовольствия, к тому же маму не слишком радовали его успехи в освоении слов – то ли дело задания с числами! Иногда к их занятиям присоединялась сестра Наташа, но она была еще маленькой, на три года младше брата. Наташа путалась со счетными палочками и даже с кубиками – Виктору очень хотелось ей помочь, но мама ему не разрешала.

А затем, в один день все переменялось. Почему-то они с мамой не могли больше заниматься дома. Теперь нужно было вставать по утрам очень рано, завтракать, надевать белую рубашку, темно-синие брюки и неудобную куртку с эмбле-

мой – раскрытая книга и солнце – на левом рукаве. Складывать в портфель учебники, тетради и бренчащий ручками пенал, а в специальный мешок с тесемкой, который Виктору сшила мама, – новые туфли. И потом долго идти по улице к большому, ярко освещенному изнутри зданию. И там, в этом здании, в длинной комнате с тремя огромными окнами Виктор продолжил свои занятия с мамой, только теперь она была далеко от него, за отдельным столом сбоку от черной, с меловыми разводами доски. А главное – вместе с Виктором тут же, за партами сидели еще другие дети, очень много детей, мальчики и девочки. Они были одного возраста с Виктором, но все оказались такими же глупыми, как его маленькая сестра Наташа. Каждому из них хотелось помочь, исправить ошибки, которые они то и дело совершали, но мама строго-настрого ему запретила. И чем дольше Виктор смотрел, как мучаются на уроках его одноклассники, тем большее недоумение это в нем вызывало. Именно в те дни его впервые кольнула мысль, что дело могло быть вовсе не в окружающих, а в нем самом.

Еще одним – и довольно неприятным – открытием стало то, что помимо арифметики в школе было много других предметов, и скорость, с которой Виктор справлялся со сложением и вычитанием, не давала ему никаких преимуществ во всем остальном. Даже наоборот – мама в школе стала еще требовательней. Все, что он делал, обязано быть идеально, он не имел права не только на ошибки, но и на малейшие по-

марки. И Виктор по многу раз переписывал прописи, а чуть позже и целые слова, которые наконец перестали рассыпаться на буквы, хоть он и продолжал машинально их пересчитывать. Виктор старательно заучивал наизусть стихотворения, он наловчился проводить плавные линии норовящими расползтись по листу акварельными красками и вырезал самые аккуратные в классе окружности, квадраты и треугольники на уроках труда. И когда он окончательно утвердился в роли лучшего ученика, мама в качестве награды научила его умножению и делению. После уроков Виктор начал ходить в математический кружок, а на выходных они с мамой ездили в Пермь, в шахматный клуб. Впрочем, к шахматам Виктор остался равнодушен, они ничего в нем не затронули, не разбудили спортивного азарта – ему интересней было наблюдать, как играли другие, цепко подмечая чужие ошибки или удачные ходы.

Тем временем в поселок Звездный пришла зима. Она приходила сюда каждый год и до этого, но только став школьником, Виктор впервые внимательно ее рассмотрел. Зима принесла с собой не только колкие шерстяные штаны и джемпер под школьной формой, теплые, с мехом сапоги, пальто, шарф и шапку-ушанку, но еще и темноту. Они с мамой шли теперь в школу в потемках, и казалось, что хрустящий под ногами, желтоватый от фонарей снег – это единственный источник света в окружающем мире. Мороз щипал лицо и лез под одежду, холод пытался пробраться внутрь вме-

сте с индевеющими клубами воздуха, и Виктор старался дышать как можно реже и только через шарф. А вечером, после уроков все повторялось – в точности, до последнего, самого крохотного штриха. Опять было темно, опять они с мамой шли вдвоем по заснеженной, освещенной фонарями улице, и опять было так холодно, что казалось: если вдруг остановишься, ненадолго, даже на одну минуту – тотчас превратишься в маленький ледяной столбик.

В последний день февраля Виктор принес домой из школы не только красные звездочки, полученные по арифметике, чтению и труду, но и сухой лающий кашель. Мама измерила ему температуру, напоила чаем с малиной, но это не помогло. Через три дня Виктор оказался в больнице с воспалением легких. В его памяти мало что осталось от той болезни. Он помнил кашель, который было никак не остановить. Кашель, которым давишься, словно торопясь глотал воду, и она пошла «не в то горло», как говорила мама. Помнил неулыбчивую женщину в белом халате и ее страшные уколы, после которых было больно сидеть. Ну и конечно, маму, приходившую к нему каждый день, – осунувшуюся, постоянно трогавшую ему лоб мягкой теплой ладонью, о чем-то разговаривавшую с врачом.

Когда через две недели Виктора выписали, он сразу почувствовал – дома что-то изменилось. Очень часто теперь, поздно вечером, уже после того, как они с Наташей ложились спать, родители о чем-то разговаривали за закрытой дверью

на кухне. Причем говорила почти всегда мама, отец лишь изредка подавал голос, но почти сразу вновь умолкал. После этих кухонных разговоров Виктор начал ловить на себе странные взгляды отца, неподвижные и какие-то задумчивые. И еще отец, казалось, стал его сторониться. Мама и раньше не особо подпускала отца к Виктору. Когда сын пошел в школу, отец предложил отдать его в спортивную секцию – настоящему мужику нужно заниматься спортом, говорил отец. Но мама над ним только посмеялась, сказав, что довольно с их семьи и одного физкультурника. Точно так же она реагировала и на рассказы отца о службе – качая головой и закатывая глаза. А потом и вовсе попросила избавить Виктора от будней офицера среднего звена – на слове «средний» мама сделала выразительный акцент. Достаточно и того, что они прозябают в этом забытом богом поселке, сказала она. Отец не обижался – может, его это и задевало, но виду он не подавал. Почти все свободное от боевых дежурств время отец проводил с Наташей, которая души в нем не чаяла. Они строили башни из кубиков, рассматривали картинки в книжках, но больше всего Наташе нравилось, когда они играли в «самолеты» – Наташа разводила руки в стороны, а отец быстро кружил ее по комнате, изображая рычание авиационного мотора. К Виктору же отец старался лишний раз не приближаться, словно после пневмонии тот превратился в хрупкую фарфоровую вазу. Впрочем, это все равно не помогло, и на следующий год зимой Виктор снова попал в

больницу с воспалением легких. А затем, с интервалом в три недели, заболела Наташа.

Сестру тоже положили в больницу, но она была еще маленькой, поэтому маме пришлось лечь вместе с ней, а у Виктора началась новая жизнь. Приготовленная мамой еда быстро закончилась, и приходилось давиться манной кашей с комками и слипшимися пересоленными макаронами – на большее отец был не способен. Так что незаметно, к концу первой недели обеда в школьной столовой превратились для Виктора в изысканное лакомство. Намного хуже ему приходилось, когда отец заступал на боевое дежурство, и Виктора, словно бездомную зверушку, передавали на попечение маминых подруг. В такие дни после школы он оказывался не дома, а в незнакомых квартирах. Там все было какое-то неудобное и неправильное и постоянно стоял странный запах, всегда один и тот же – запах чужой, непонятно как устроенной жизни. И еще там были другие дети, которые смотрели на Виктора настороженно и с которыми ему приходилось иногда даже спать в одной комнате. И чем больше вокруг Виктора бегали и суеились родители этих детей, тем тоскливее ему становилось и тем сильнее хотелось поскорее увидеть маму. Правда и с отцом Виктору было ненамного веселее, хотя свой дом – это, конечно, свой дом. Потерпев очередное фиаско на кухне, отец не слишком внимательно выслушивал рассказы Виктора о принесенных из школы пятерках. Но главное – отец был совершенно равно-

душен к арифметике и даже не пытался сделать вид, что его впечатлили решенные сыном задачи. Поэтому Виктор постепенно замкнулся и перестал заговаривать с отцом. Он отвечал на прямые вопросы, ел отцовскую стряпню, показывал дневник, если его просили, но старался лишний раз не выходить из своей комнаты, где сидел над задачкой, который ему дали в математическом кружке.

Однажды, правда, отец сам решил провести время с сыном, чем всерьез озадачил Виктора. Он принес коробку с зелеными пластмассовыми фигурками – пехотинцами с автоматами, лежащими на земле пулеметчиками, танками и даже ракетной установкой. Виктор внимательно рассмотрел фигурки, пересчитал их, сначала все вместе, затем разложив по категориям, и, заскучав, отложил игру в сторону. Но отец снова достал коробку, расставил солдатиков и военную технику в каком-то особом порядке и стал объяснять Виктору, почему они должны стоять так, а не иначе. Но чем дольше он говорил, тем меньше Виктор понимал, что от него требуется, и тогда отец в сердцах швырнул коробку на пол и вышел из комнаты. Виктор собрал все до одной фигурки, аккуратно сложил их в коробку, на которой было написано «Солдаты на учениях» (три слова, шестнадцать букв), и положил ее на стол. На следующий день набор с солдатиками исчез, вместе с ушедшим на службу отцом.

На исходе второй недели Наташу с мамой наконец-то выписали. Закончились скитания Виктора по чужим кварти-

рам, перемежаемые тоскливыми вечерами с отцом. И хотя мама была здесь, дома, Виктор никак не мог в это поверить и первые дни старался все время держать ее в поле зрения, «ходил за ней хвостиком», как она говорила. И даже в школе, на переменах, он не уходил из класса до тех пор, пока мама не вставала из-за стола и не шла в учительскую. Постепенно это прошло, его отпустило, и только когда они с Наташей оставались дома с отцом, Виктора опять накрывала тоска, щемящее нехорошее чувство, чуть ли не страх, что мама может к нему не вернуться.

А вот для отца наступили тяжелые времена. Они с мамой снова, как и после первой болезни Виктора, о чем-то спорили вечерами на кухне. И однажды Виктор не утерпел, выскользнул из-под одеяла и на цыпочках прокрался в коридор. Он стоял босой, не чувствуя под собой холодного пола, и жадно вслушивался в происходящее за кухонной дверью.

– Ты же мне обещал, Георгий! Как так вообще можно? Пообещал и не сделал. Даже хуже – целый год кормил меня сказками, будто ты здесь совсем ни при чем, что твой рапорт оставлен без движения.

– Тома, я подавал. Зачем мне...

– Зачем? Это ты мне скажи, зачем. Ты что, правда думал, что я ничего не узнаю? Да Светка Богданова сама первая меня спросила, чего мы не переведемся, раз дети постоянно болеют. Сама, понимаешь? Я ей про рапорт, а она говорит – не было никакого рапорта. Светка даже специально уточня-

ла у мужа – не было.

– Богданов может и не знать...

– Я одного не понимаю – неужели тебе правда детей не жалко? Посмотри вон на Наташку, она намного тяжелее Вити воспаление перенесла, до сих пор по утрам дохает. И я бы поняла еще, если бы тебя действительно здесь что-то держало. Перспективы какие-то, повышение. Но ты же сам все взял и профукал – все, что можно и что нельзя. Сколько раз я с людьми договаривалась, пыталась что-то устроить. Все бестолку, хоть сама иди и служи.

– Тома...

– Что Тома? Я уже тридцать семь лет Тома. Чтоб завтра рапорт о переводе был на столе у командования, я проверю. Ты понял меня? Лично пойду к твоему начальству и получу подтверждение. Или так, или я забираю детей, и мы уезжаем. Выбирай.

На кухне повисла тишина. Стараясь не шуметь, Виктор вернулся к себе в комнату, залез под одеяло и только в этот момент понял, насколько озябли его ноги, пока он стоял в коридоре, – настоящие ледышки.

Наташа

Для всего в этом мире, для любого, самого ничтожного действия существовал оптимальный момент, идеальное сочетание цифр на часах, комбинация двух разделенных двоеточием чисел – часов и минут. Журавлев любил, когда оба эти числа были четными, это вносило гармонию в предстоящее дело, гарантировало если не успех, то хотя бы благосклонность судьбы. Еще лучше, если каждое из этих чисел можно было записать одними лишь двойками, несокрушимым отрядом из гордых, похожих на лебедей цифр – ну и что с того, что черных? Никто ведь не говорил, что черных лебедей нельзя приручить.

Журавлев дождался, когда часы на экране смартфона покажут 16:16 (идеально: две двойки в степени два в степени два), и набрал Иркутск. Мать подошла не сразу, и у него возникло ощущение, что сегодня она на что-то отвлечена – она не слишком внимательно его слушала и, что было особенно необычно, ни разу его не перебила. Неожиданно Журавлев услышал в трубке, как мать кто-то позвал, какой-то женский голос, и он тотчас же его узнал. Но еще раньше, за мгновение до этого в груди толкнулось, будто сбитое с толку, сердце. Он машинально посмотрел на часы: в Иркутске был десятый час вечера. Не иначе как что-то случилось – с чего бы еще

она была так поздно у матери...

— А ко мне Наташа сейчас зашла, — сказала мать. — Укол мне сделала, что-то давление скачет в последнее время, сил никаких нет.

Ну да, Наташа. Это была она, Журавлев и без матери уже это понял.

— Может, стоит все-таки в поликлинику сходить? На прием к кардиологу? — сказал Журавлев. — Наташа ведь не врач.

— Может, и стоит. А может, кому-то стоит не забывать матери звонить? Тогда никакие врачи будут не нужны.

Журавлев на секунду опешил.

— Мам, я ведь уже...

— Извинился, да, — закончила за него мать. — Только видишь, давлению моему извинения твои не очень-то помогают. Ты поговорил с заведующим про диссертацию?

— Нет еще, — машинально проговорил Журавлев и замолчал.

Вообще-то ему было что сказать в оправдание, но внезапное напоминание о пропущенной им годовщине деда выбило его из колеи, и все домашние заготовки вдруг показались неубедительными. Для себя он решил, что дождется, когда пройдет ровно два месяца, и только после этого спросит Добровольского о диссертации. Во-первых, двойка есть двойка, и она точно повысит его шансы на благоприятный исход. А во-вторых... Журавлев пока еще не придумал вторую причину, но она обязательно должна быть, просто из соображе-

ний равновесия и внутренней гармонии. Мать тоже молчала, многозначительно и выжидающе, и Журавлев не нашел ничего лучше, как попробовать сменить тему.

– Как там дела у Наташи? Привет ей передавай от всех нас.

– У Наташи-то? – вдруг оживилась мать. – А вот она, тут, рядом, можешь сам у нее спросить.

– Постой, подожди... – чуть ли не крикнул Журавлев, но было уже поздно.

В трубке что-то зашуршало, послышались шаги и едва различимый скрип паркета, и сердце вновь зашлось, заторопилось, наперегонки с убегающим от Журавлева самообладанием.

– Алё, – сказала Наташа.

Журавлев громко сглотнул, стараясь умаслить застрявшие в горле слова, но те наотрез отказывались выходить наружу, превращаться в осмысленные акустические колебания.

– Привет, Наташ, – наконец выдавил из себя Журавлев.

– Ну привет.

Журавлев мгновенно перенесся за пять тысяч километров, настолько ясно он увидел сейчас сестру, ее непроницаемое строгое лицо и равнодушное пожатие плечами: ну привет. Удивительно, но за все это время он так и не сумел подготовиться к этому разговору – в голове было пусто, точно в вычерпанном колодце, и дребезжащее оцинкованное ведро напрасно билось о высохшее, в глубоких трещинах дно.

– Вить, ты чего-то хотел? – прервала его размышления Наташа.

– Я-то? Я...

Журавлев вдруг снова ощутил беспокойство – то самое, что испытал, когда услышал сегодня в трубке голос Наташи. В последние пару лет это почти всегда означало, что матери снова понадобилась медсестра.

– Что там с мамой? – спросил Журавлев. – Что-нибудь серьезное?

– Вроде бы нет, – ответила Наташа, всем своим тоном давая понять: подробностей не будет. – Пока, во всяком случае.

Они помолчали. Неловко, будто едва знакомые, столкнувшиеся на улице люди – и мимо пройти нельзя, и говорить вроде как не о чем.

– А сама ты как? – снова подал голос Журавлев.

– Сама я? Ты серьезно, Вить? – усмехнулась Наташа. – С каких это пор тебя это интересует? Веру твою да, ту интересуется. Но что-то не припомню, чтобы ты хоть раз мне позволил. С тех самых пор.

– Так ты же сама мне тогда сказала – сказала, чтобы я и номер твой забыл. И обозвала меня еще по-всякому, – неожиданно для себя выпалил Журавлев: старинные обиды вспыхнули в нем с новой силой, словно только и ждали, когда сестра поднесет к ним спичку.

– А ты, конечно, всегда делаешь, что тебе говорят. И какая тонкая, оказывается, у тебя душевная организация – кто

бы вообще мог подумать. И это после того, как ты не удосужился даже...

Снова повисло молчание. Тягостное, но при этом нервное и потрескивающее, словно электрические токи, преодолев тысячи разделявших их километров, неизбежно засорялись атмосферными помехами.

– Знаешь, маме после укола нужно немного полежать. Позвони ей попозже, ладно? – наконец проговорила Наташа и, не дожидаясь ответа, нажала на отбой.

Интересно, она когда-нибудь его простит? Нет, Журавлев все понимал – он понимал, что должен чувствовать вину. И он ее чувствовал, прямо сейчас, когда в задумчивости шел от Института к метро, окруженный такими же, как он, уставшими людьми. И в то же время он знал, что ни в чем не виноват. Его вина, словно кошка из стального сейфа Шрёдингера, существовала и не существовала одновременно. И ничего нельзя было сказать, пока не провернешь ключ в замке и не откроешь металлический ящик. Даже не так – результат зависел от того, кто именно посмотрит внутрь. Когда это делала Наташа, Журавлев ощущал вину. И стыд – жгучий, с долгим послевкусием. Но когда туда заглядывал он сам – и, если честно, случалось это не так уж и часто, – то всякий раз убеждался, что ему не в чем себя винить. Совершенно. Да только как это все объяснить Наташе?

Показалась станция метро «Василеостровская». Ее давным-давно уже перестало хватать для переполненного учеб-

ными заведениями Васильевского острова. Вечерами на спуск работало два эскалатора из трех, хотя пассажиры с легкостью заполнили бы и все четыре. Много лет на острове обещали открыть еще одну станцию, она бы оттянула на себя часть потока, тех же студентов из Горного университета. Но обещанного ждут много лет и три года, так что Журавлев привычно встроился в плотный людской затор на ступенях перед входом в вестибюль, машинально отмечая про себя, что осень – как и любое холодное время года – ему, безусловно, симпатична. Хотя бы потому, что по мере того, как температура приближалась к нулю, женщины все чаще скрывали волосы под шапками и капюшонами, а это всегда действовало на Журавлева умиротворяюще.

Несмотря на непрекращающиеся поручения Добровольского, работа по электропорации продвигалась, хоть и медленней, чем хотелось бы. Журавлев внимательно изучил все обзорные статьи – по крайней мере те, до которых сумел дотянуться. Доступа ко многим журналам у Института не было, и это – даже спустя два года после возвращения из Великобритании – все еще его изумляло. Это действительно было странно: есть интересная и важная, судя по аннотации, статья, но прочитать ее невозможно. Приходилось искать обходные пути. Можно было, конечно, написать автору статьи и запросить полный текст – способ законный, хоть и несколько унижительный. Особенно с непривычки, после многих лет работы в Европе. Побирושка, чего бы он ни вы-

прашивал, всегда оттягивает на себя внимание, время и жалость подающего. Не говоря уже о том, что часто на такие письма Журавлеву просто не отвечали. Альтернативы были, хоть и не вполне легальные. Нужную статью можно было поискать в социальной сети ResearchGate, зарегистрированные в ней ученые часто загружали туда свои публикации, и по этой причине с ресурсом постоянно судились издатели. Ну и существовал совсем уж пиратский агрегатор Sci-Hub, где можно было отыскать практически все. Журавлев прекрасно понимал, что воровство есть воровство, как его ни называй, но всякий раз, не задумываясь, делал выбор в пользу пиратского контента: острая, точно голод, потребность в определенной – конкретно вот в этой – статье застила глаза и грубо толкала в спину, и он, повинувшись, бежал к вожаемой цели, не разбирая ни препятствий, ни угрызений совести.

А вот с электропорацией все оказалось даже интересней, чем он думал. Сам этот термин, очевидно, предполагал, что электрическое поле продергивает в мембранах поры. Однако исследователям так и не удалось их обнаружить. Поры были слишком маленькими, за пределами чувствительности оптического микроскопа. Попытки же использовать электронный микроскоп ни к чему не привели – в процессе измерений мембрану замораживали, и это само по себе приводило к структурным дефектам: наблюдение вновь и вновь меняло объект наблюдения. Но вообще-то это, конечно же, нонсенс – по всем косвенным признакам поры существуют, не могут

не существовать, но никто никогда их не видел. Это в религии никого не смущает божий промысел при принципиальной невидимости Бога. Но не в фундаментальной же науке, в самом деле...

Журавлев оторвался от статей, у него вспотели ладони и радостно закололо в кончиках пальцев. Раз экспериментаторы ничего не смогли увидеть с помощью своих приборов, значит, эта задача просто создана для компьютерного моделирования. Главное, чтобы никто этого до него не сделал. Чувствуя охотничий азарт, стараясь успокоить дыхание, Журавлев открыл базу данных Web of Science – самое полное в мире хранилище информации о научных публикациях, отправную точку любого нового исследования. Это без доступа к журналам можно было еще как-то выкрутиться, но если Институту вдруг отключат базу Web of Science, его можно в тот же день закрывать. Журавлев ввел в форму ключевые слова, помедлил с секунду и нажал на кнопку «Поиск».

No entries. Ничего не найдено.

Он задержал дыхание. Торопливо модифицировал запрос, расширил его и ослабил, рискуя зачерпнуть в свои сети не относящийся к делу информационный шум. Снова запустил поиск. И снова ничего, ни единой публикации. Журавлев выдохнул и откинулся на спинку кресла, не веря своей удаче. Он, конечно же, все это перепроверит, и не раз. Были ведь еще и другие базы – Scopus, Google Scholar, PubMed, да тот же ResearchGate, наконец. Но если и там ничего не

отыщется, это же просто...

Великолепно!

6

Дед

Своего деда – маминого отца – он видел всего один раз в жизни. Но задолго до того, как они всей семьей приехали к нему в гости, маленький Виктор уже знал, что у него есть дед и что его тоже зовут Виктором. Мама постоянно рассказывала истории про своего отца, а когда хотела похвалить сына, иногда приговаривала, что дед бы им гордился.

Дед был шахтером, и поселок, в котором он жил, разительно отличался от их военного городка. Двухэтажные, белые известью дома, грязно-терракотовое кирпичное здание профтехучилища, где – со слов мамы – недавние школьники превращались в горняков. Дорога с чахлыми кривыми березками по бокам, но не обычная, заасфальтированная, а выложенная из брусчатки, так что Виктор тут же принялся пересчитывать потертые каменные квадраты под ногами. И повсюду, насколько хватало взгляда, коричнево-пепельные горы. Некоторые из них напоминали геометрически правильные, почти идеальные конусы. Но были здесь и деформированные, «поплывшие» пирамиды, плоские в верхней части, словно с них срезали верхушку. И даже несколько остроконечных холмов, сросшихся вместе. «Это отработанная порода из шахт, – объяснила Виктору мама. – Чувствуешь, как скрипит пыль на зубах?»

Когда Виктор в первый раз увидел деда, он от неожиданности растерялся. Мама много рассказывала ему про шахты, про то, какая это тяжелая работа, ведь горнякам приходится спускаться на глубину в сотни метров (сотня – это десять раз по десять, тут же посчитал Виктор). Но дед был совсем не похож на человека, который полжизни провел под землей, ворочая огромные глыбы угля. Он был невысоким, как мама, худощавым и – на контрасте с отцом Виктора – каким-то хрупким. И только ладони у него были грубыми, будто обожженными, с потрескавшейся темной кожей. Но при всей кажущейся хрупкости от деда исходила особенная, почти физически осязаемая сила, которую Виктор замечал иногда и у мамы, особенно когда та была чем-то рассержена. Эта сила совершенно не вязалась с обликом деда и, казалось, была полностью сосредоточена в его взгляде – внимательном и неподвижном.

Однако больше всего Виктора поразило, как рядом с дедом изменилась мама. Никогда – ни до, ни после – Виктор не видел, чтобы мама с кем-то еще так себя вела. Она заискивала перед дедом, старалась всячески ему угодить, просила примерить привезенные ему рубашки, которые специально доставала через знакомых в Перми. Она наготовила еды на неделю вперед, убралась в квартире, перестирала всю одежду и постельное белье, но дед только отмахивался от нее, и чем навязчивей она становилась, тем меньше внимания он обращал на дочь. Как, впрочем, и на Наташу, которая толь-

ко-только научилась говорить и ничем не могла впечатлить деда. А еще дед почему-то звал маму Тёмой, а не Томой, и та нисколько не возражала против этого очевидно мужского имени. Когда маленький Виктор услышал имя Тёма в первый раз, он очень удивился, но не решился поправить деда. Однако позже, когда Виктор пошел в школу и сам должен был звать маму по имени-отчеству, он убедился, что дед прав. Потому что мама действительно оказалась не Тамарой, или Томой, как все ее звали дома, а Артемией Викторовной.

А вот от внука дед почти не отходил. Он внимательно рассмотрел его со всех сторон: посадил Виктора на колени и всего изучил, даже заставил высунуть язык и, казалось, остался доволен. Еще больше его обрадовала одержимость внука числами. У деда отыскалась пара книжек по арифметике, правда совсем потрепанных, наверное еще маминых, понял Виктор. После того как внук без труда справился с несколькими заданиями, дед отвел маму в соседнюю комнату и долго о чем-то с ней говорил. А когда пришло время возвращаться в Звездный, дед подарил Виктору эти старые задачки. Потом взял его за плечи, развернул к себе и какое-то время молча всматривался в лицо Виктора, словно хотел получше, впрок его запомнить. «Учись, Витька, – наконец сказал дед. – Ты понял меня? Учись. За всех за нас – за Тёмку и за меня. Я, когда мелким был, все думал, что выучусь, в люди выбьюсь, но вишь, как все обернулось. И у мамки твоей тоже ни зги не вышло, даром что жилы рвала в институте.

Так что смотри, Витька, теперь на тебя вся надежда. Ты понял меня?» Дед замолчал, а Виктор принялся торопливо кивать, даже не в знак согласия, а чтоб поскорей освободиться от оказавшихся очень цепкими рук деда и от его взгляда — немигающего и магнетического.

Больше они к деду не ездили. Месяца через четыре после той их поездки в квартире раздался телефонный звонок, и мама привычно заспешила в прихожую, к исходящему трелью аппарату. Оставшись в комнате с Наташей, Виктор краем уха слышал начало разговора и последовавший за этим негромкий пустотелый звук, словно что-то уронили на пол. Когда спустя полчаса Виктор собрался показать маме выполненное задание, ее нигде не оказалось. Только дверь в ванную была заперта, и оттуда — сквозь шелест текущей из крана воды — доносились странные хлюпающие звуки. В прихожей появилась заскучавшая в одиночестве Наташа, и Виктор сказал ей, что мама, наверное, принимает ванну.

Весь следующий день мама продолжила подолгу закрываться в ванной, а когда выходила оттуда, Виктор всякий раз с тревогой отмечал, как припухло и покраснело у нее лицо. Она перестала садиться с детьми за стол, только готовила еду и, убедившись, что перед каждым стоит по тарелке, уходила в комнату или опять в ванную. Занятия в эти дни совсем не приносили Виктору радости, мама невнимательно просматривала сделанные им задания и почти его не хвалила, только задумчиво гладила по голове. Пришедший с дежурства отец

старался вести себя как можно тише, с его лица не сходило виновато-тревожное выражение, особенно когда он о чем-нибудь заговаривал с мамой.

А затем мама неожиданно уехала, отец сказал – в командировку. И это непонятное слово долго еще преследовало Виктора, обрастало зловещими чертами таинственного могущественного командира, которому никто не смел возражать – и мама тоже. Вообще, странным в эти дни было всё. И внезапное исчезновение мамы, и то, что Виктор, как ни старался, совсем ничего не мог вспомнить о тех нескольких днях, пока ее не было. Зато хорошо помнил возвращение мамы, помнил ее потухшее, будто бы высушенное лицо. И еще помнил отчетливые затемнения, появившиеся у мамы под глазами, печальные полукружия, которые каким-то образом умудрялись поглощать любой свет, даже солнечный. Постепенно мама стала выглядеть лучше, отошла от командировки, как говорил себе Виктор, но совсем-совсем прежней уже не стала: темные круги под глазами заметно уменьшились, но окончательно так и не исчезли.

Через пару месяцев после возвращения мама стала куда-то уезжать каждое воскресное утро. Отец хмурился, но ничего не говорил. А когда мама наконец рассказала о своих воскресных поездках, начал хмуриться еще сильнее. По средам и пятницам у них были теперь рыбные дни, причем иногда рыба доставалась только детям, родители же довольствовались макаронами или вареной картошкой. Несколько

раз случались странные на взгляд Виктора происшествия – по какой-то непонятной причине мама принималась вдруг подолгу отчитывать отца. Например, когда тот тайком стащил из холодильника немного колбасы. Кульминацией происходивших с мамой метаморфоз стала поездка всей семьей в Пермь, которой предшествовал очередной разговор родителей на повышенных тонах.

Когда отец припарковал машину перед необычным бледно-голубым зданием с высокой трехъярусной башней, мама повернулась к детям и сказала, что сегодня их будут крестить. Наташа спросила, что такое «крестить», но вместо объяснений слышала: увидишь. Мама повязала голову темно-сиреневым платком, которого Виктор раньше у нее не видел. Такой же платок, только поменьше, мама дала Наташе. Во время всех этих приготовлений отец молчал, беспокойно посматривая по сторонам, словно боялся, что его заметят.

Оказавшись в церкви, Виктор на секунду остолбенел. Диковинные, сплошь покрытые орнаментом и рисунками стены, развешанные повсюду картины в золоченых рамах, мерцающие и бликующие от тонких зажженных свечей. Уходящие на огромную высоту своды, подпираемые арками, массивными и в то же время какими-то воздушными. И тяжелый сладковатый запах, словно в противовес разверзшемуся над головой пространству, без которого Виктора, наверное, сразу бы утянуло вверх.

Церковь оказалась заполнена людьми – как выяснилось,

Виктор с Наташей были не единственными, кого собирались сегодня крестить. Были здесь и совсем маленькие дети, даже не дети еще — так, беспокойно лепечущие свертки на руках у женщин. Было несколько ребят возраста Виктора или чуть старше и даже пара совсем взрослых людей. Всех их выстроили полукругом возле наполненного водой гигантского кубка из отполированного белого металла. После этого к ним вышел рослый осанистый человек с бородой, завернутый с ног до головы в плотную ткань, тоже белую. Человек забасил, и присутствующие тут же притихли. Виктор же с этого мгновения словно оцепенел и позже мог вспомнить происходившее с ним лишь урывками. Он помнил, как всех по очереди подводили к купели. Как священник зачерпнул холодной воды и плеснул ему на голову, после чего Наташа убежала и спряталась за спину отца, но была возвращена мамой в круг. Помнил, как орал младенец, которого опускали в купель целиком, и как под конец Виктору на лбу нарисовали мокрой кисточкой небольшой прохладный крест.

С тех пор они ездили с мамой в церковь почти каждое воскресенье. Поначалу Виктор с опаской ждал, что на него опять будут брызгать водой, но той серебряной купели он больше ни разу не видел. Люди в церкви просто стояли и слушали, что им говорит священник, и время от времени крестились. Иногда группа из четырех печальных женщин в белых кофтах и платках что-то распевала протяжными плачущими голосами, иногда Виктору приходилось целовать ико-

ну. Еще мама не разрешала ему снимать крестик, который теперь всегда висел у него на шее и временами напоминал о себе легкой щекоткой. А также заставила выучить десяток не очень понятных фраз, которые называла молитвой. Это было совсем нетрудно, и Виктор наловчился произносить их бездумной скороговоркой. Чем-то молитва была похожа на стихи, которые позже он разучивал на уроках чтения, – нужно было запомнить ритм и некое общее настроение, остальное, и смысл в том числе, если и не ускользало совсем, то отходило куда-то на задний план. Но вообще-то Виктору нравилось в церкви, в ней все было не так, как в других местах. И он всегда выходил оттуда спокойным и на удивление безмятежным, хоть и сумел разобраться в своих ощущениях, только когда повзрослел: все женщины в церкви – и мама тоже – прикрывали головы платками, и именно это рождало в нем идиллию, чувство полной и окончательной защищенности.

А однажды, спустя много месяцев после крещения, когда Виктор уже учился в первом классе, они с мамой почему-то поехали в церковь в середине недели, не дожидаясь воскресенья. И там, во время поминальной службы Виктор узнал, что деда больше нет. И что нет его уже целый год. Мама рассказала Виктору про шахту, про взрыв метана и про то, что деда не успели спасти. Виктор внимательно выслушал маму и, хотя мало что сумел понять, безошибочно ухватил главное – в гости к деду они больше никогда не поедут. Ему не суждено еще раз встретиться с этим невысоким и худым, но

странно притягательным человеком, которого он один только раз и видел, не суждено ощутить на себе его необычный немигающий взгляд, от которого невозможно было оторваться. И от этого у Виктора вдруг так сильно защемило глаза, что он испугался, что сейчас возьмет и расплачется, а за это мама на него всегда очень сердилась.

С этого дня в комнате у родителей появилась большая фотография деда в черной рамке, а его день рождения отмечали в семье наравне со всеми остальными. И всякий раз, когда мама говорила Виктору, что дед бы им очень гордился, он знал, что выше похвалы для него быть не может.

Хороший жизненный план

– Великолепно! – Добровольский с шумом ворвался в кабинет. – Просто великолепно! Виктор, вы с Иваном в этот раз превзошли самих себя. А еще говорят – жатвы много, а делателей мало, и кривое не может сделаться прямым. Да если так пойдет, ваши тексты можно будет скоро вставлять в отчеты как есть, не читая. Вы бы поделились, что ли, опытом с остальными, мы бы тогда не тратили недели на отчеты по федеральной программе.

Сидевший за соседним столом Иван расплылся в довольной бородатой улыбке, и, глядя на завлаба, экзальтированно размахивающего в воздухе какими-то бумагами, Журавлев вдруг подумал: а ведь мать права. Глупо дольше тянуть, взять и спросить Добровольского о диссертации прямо сейчас – лучшего момента не придумать. Ну да, двух месяцев еще не прошло – и что с того? Как бы ни симпатична была Журавлеву двойка, держаться установленного себе срока становилось все тяжелей. И если начистоту, слишком уж он изголодался по хорошим новостям...

Работа по электропорации забуксовала, толком даже не начавшись. И все шло к тому, что в конце концов Журавлев окажется в тупике. Нет, он в него еще не уперся, но каким-то особым внутренним зрением уже различал проступающую

из пелены глухую бетонную стену. Наверное, он должен был догадаться об этом с самого начала – если никто до сих пор чего-то не сделал, значит, на это, скорей всего, были причины. Очень веские причины. Журавлев уже третий день перебирал известные ему – да и неизвестные тоже – программы компьютерного моделирования, и ни в одной из них не обнаружил того, что искал: возможности приложить электрическое поле к мембране. А без этого ни о какой электропорации не могло быть и речи. Очень скоро он исчерпает все опции, все разработанные когда-либо программные пакеты, и вот тогда наконец и упрется в тот самый тупик.

В теории можно было самому изменить исходный код программы – но это только в теории. Времена Леонардо да Винчи безвозвратно прошли, да и были ли они когда-нибудь? Над программными пакетами для моделирования годами работали команды из десятков разработчиков, и доступность исходного кода могла обмануть только человека, который никогда в этот самый код не влезал. В сущности, это было то же самое, что пытаться смастерить на коленке прибор стоимостью в миллионы рублей – бессмысленно, смешно, да и просто глупо. И даже если бы Журавлев сумел запрограммировать нужный ему функционал, где гарантия, что при этом в программе не появятся критические ошибки? Журавлев написал нескольким разработчикам и получил однотипный ответ: опция интересная, но, к сожалению, еще не реализованная. И когда она может появиться, никто из них

не знал.

Поэтому, глядя сейчас на воодушевленное лицо завлаба – неужели и он когда-нибудь сможет так искренне радоваться удачно составленному отчету? – Журавлев решил, что пришло время отвлечься от забуксовавшей электропорации на более приземленные вещи. И спросить заведующего про докторскую диссертацию. В конце концов, сколько можно ее читать? Там всего-то четыреста страниц. Четыреста четыре, если быть точным.

Но он не успел. То ли Добровольский что-то такое почувствовал в его взгляде, то ли просто ветер переменился в голове у завлаба. Он вдруг посерьезнел, перестал жестикулировать, произнес: «Ну хорошо», – и Журавлев понял – ничего хорошего.

Начал заведующий довольно безобидно – со статей, пришедших ему на рецензию. Сам он был слишком занят, чтобы тратить время на рукописи, однако от рецензирования никогда не отказывался и раздавал статьи сотрудникам лаборатории. Те писали рецензии, которые после доработки завлаб отправлял от своего имени обратно в журналы. И все были довольны: Добровольский поддерживал репутацию эксперта в области компьютерного моделирования, а подчиненные получали благосклонность начальства. Впрочем, иногда Журавлеву доставались от завлаба действительно любопытные работы, которые таким образом удавалось прочесть за несколько месяцев до публикации. И если бы сейчас завлаб

ограничился только просьбой о рецензиях, можно было считать, что Журавлев с Иваном отделались малой кровью. Но они не отделались – Добровольский неожиданно объявил, что до конца недели нужно подготовить расширенные институтские отчеты.

– Институтские отчеты? – Журавлев озадаченно посмотрел на завлаба. – Так мы же их уже составляли, совсем недавно, буквально пару месяцев назад.

– Виктор, это было летом, – сказал Добровольский. – Но с этого года Институт отчитывается перед министерством три раза в год – за шесть, девять и двенадцать месяцев. Так что пришло время писать отчеты за девять месяцев. Формы я сейчас разошлю.

Вот если бы и разработчики выпускали новые версии своих программ так же часто, подумал Журавлев, он бы давно уже разобрался с электропорацией. И какие все-таки отвратительные эти цифры – три и девять (три раза по три).

– А почему всего три раза в год, Александр Эдгарович? – Журавлев повернулся к Ивану, надеясь привлечь его к разговору, но тот предпочел этого не заметить. – По-хорошему, нужно бы каждый месяц отчитываться, чтоб наверняка.

– Нужно будет отчитываться каждый месяц – будем отчитываться каждый месяц. – Добровольский не оценил сарказма, а может, просто не услышал его. – Не я ведь правила придумываю. И кстати, специально для вас, Виктор, если уж вам так хочется писать отчеты каждый месяц. Вот, только

что пришло из дирекции: ФУПТА.

И Добровольский положил на стол Журавлева бумаги, с которыми появился в кабинете и которыми пару минут назад увлеченно размахивал.

– ФУП... что? – спросил Журавлев.

– ФУПТА, – Добровольский не без удовольствия повторил выморочную аббревиатуру, словно от многократного проговаривания она становилась хоть немного понятней. – Форма учета показателей творческой активности, ФУПТА. Полная информация о том, что каждый сотрудник сделал за год: монографии, статьи, доклады на конференциях, патенты, гранты, рецензирование статей, курсы лекций, оппонирование, руководство аспирантами, в общем – все. Эту форму можно хоть каждый день заполнять, по мере появления, так сказать, новых данных. Ее я тоже сегодня всем разошлю. Надеюсь, Виктор, теперь вы удовлетворены?

– Знаете, Александр Эдгарович, в Европе ничего подобного нет. Кому расскажи – не поверят.

– Правда? – Добровольский весь сразу как-то подобрался. – Довольно странно это слышать именно от вас, Виктор.

– От меня? – удивился Журавлев.

– Да, от вас. Ведь вы же вернулись из Европы своей обратно, а стало быть, здесь у нас лучше.

До Журавлева вдруг дошло, к чему клонит завлаб, но давать задний ход было поздно. Все-таки стоило ему промолчать. Просто заполнить эти злосчастные формы, и все.

– Я вернулся не потому, что здесь лучше.

– В самом деле? – усмехнулся Добровольский. – Ну тогда просветите нас с Иваном, по какой такой причине вы это сделали.

На этих словах сидящий за соседним столом Иван Колесников опустил голову и с преувеличенным вниманием уставился в экран своего монитора.

– Я вернулся... – начал было Журавлев, но запнулся, подыскивая нужные слова. – Я вернулся, потому что у меня не было выбора. Потому что... – Он снова сделал паузу, с тоской понимая, что вовсе не обязан никому ничего объяснять и тем более оправдываться, но как раз этим он сейчас и занимался. – Потому что за четыре года в Великобритании так и не нашел постоянной работы.

– Да? А кто ее нашел? – спросил Добровольский. – Из нашей лаборатории за границу уехало человек десять, наверное, и ни у кого нет там постоянного контракта. Но почему-то никто из этих людей и не думал сюда возвращаться. Никто, кроме вас.

Журавлев пожал плечами.

– Александр Эдгарович, я не могу говорить за других.

– А я могу, Виктор. Вынужден. Иначе не был бы руководителем лаборатории. И поэтому исхожу из того, что если человек вернулся – по каким угодно причинам, – он обязан принимать наши правила игры.

Добровольский развернулся на каблуках и направился к

выходу, но в дверях опять остановился.

– Вы правда думаете, что отчеты – такая уж серьезная проблема? Сегодня, между прочим, объявили результаты конкурса на гранты Фонда – вдруг вы еще не в курсе, – сказал завлаб и вышел из кабинета.

Сегодня? То есть как сегодня? Срок ведь только на следующей неделе. Журавлев бросил взгляд на календарь на экране компьютера, затем повернулся к Ивану:

– Иван, ты знал? Видел уже результаты?

Иван медленно оторвался от монитора. Произошедший где-то в глубине его организма выброс перенасыщенной кислородом крови постепенно продвигался вверх и уже перекинулся с шеи на лицо, красноречиво отвечая на вопрос Журавлева. Все-таки удобно быть рыжим, вдруг подумал Журавлев, что бы ни случилась, у тебя на все одна реакция. Стыдно тебе – краснеешь, волнуешься – краснеешь, даже когда выпьешь – тоже ведь наверняка сидишь красный как рак, которого только что съел под пиво.

– Ну видел, – сказал Иван, и в этот момент краснота добралась наконец до лба, сделав коллегу Журавлева равномерно пунцовым.

– И?

– Что – и? Я-то здесь при чем? – вдруг выпалил Иван. – Можно подумать, это моя вина.

Он вскочил, торопливо собрал вещи и, пройдя к выходу сквозь вязкую, сгустившуюся в кабинете тишину, оставил

Журавлева в недоумении.

Булькнуло оповещение о новом письме. Журавлев с усилием вышел из ступора, открыл почтовую программу и увидел имейл от завлаба с формами отчета за девять месяцев. Он помедлил пару мгновений, но все-таки зашел на сайт Фонда, хотя и так уже знал: его проект не поддержан. Опять. Журавлев скачал файл с оценками экспертов и по диагонали пробежался по рецензиям. Ни одного серьезного замечания – отличные отзывы, почти все баллы высшие. И тем не менее – проект не поддержан.

А ведь какой замечательный он составил себе план перед отъездом из Великобритании. Просто идеальный. Два шага – что может быть красивее? Шаг первый: вернуться в Петербург, в лабораторию Добровольского, тем более что тот сам ему предложил – написал большое письмо, пообещал всяческую поддержку. Журавлев согласился и два года назад начал работать у завлаба, вернее – *на* завлаба, по его тематике. Он занялся моделированием полимерных материалов, очень быстро у них с Добровольским появились совместные публикации. Завлаб включил Журавлева в свои гранты, и это позволило им с Верой худо-бедно сводить концы с концами – базовой зарплаты научного сотрудника не хватало даже на аренду квартиры.

Вторым шагом был постепенный уход в свободное плавание, небольшая собственная группа, которая бы занималась тем, что интересно Журавлеву – моделированием биологии-

ческих мембран. Но для этого ему нужен был статус. И еще деньги. Вопрос со статусом закрывала докторская степень. На ней особенно настаивала мать, да и Добровольский обещал поддержать диссертацию – это было одним из условий возвращения Журавлева. Финансирование же будущей группы он рассчитывал получить в Фонде, только так он стал бы по-настоящему независимым от завлаба. И вот с этим у него возникли проблемы.

Свою первую заявку в Фонд он подал сразу по возвращении в Петербург, это была специальная программа для молодых ученых, и по возрасту Журавлев, пусть на грани, но еще подходил. Он знал, что мало кто из сверстников может сравниться с ним по уровню публикаций и цитированию, и был уверен в успехе, но ошибся. Обескураженный, он несколько дней просидел, изучая проекты победителей, но так и не понял, почему их заявки поддержали, а его – нет. Это было особенно неприятным еще и потому, что со следующего года молодежные программы были для него закрыты. И если Журавлев по-прежнему хотел претендовать на деньги Фонда, он должен был участвовать в общем конкурсе и подавать на грант для малой группы – от двух до четырех человек. Что означало – сначала группа, и только потом деньги. Впрочем, кандидат для включения в заявку был очевиден с самого начала, он все это время сидел за соседним столом, и Журавлев потратил несколько недель на то, чтобы уговорить Ивана войти в проект. Тот отказывался, говорил,

что ничего не понимает в биофизике и мембранах, приводил другие, совсем уже туманные аргументы, но затем внезапно, без какой-либо причины согласился. И вот сегодня Фонд объявил результаты конкурса, и наполеоновские планы Журавлева опять оказались погребены на крохотном острове вулканического происхождения в Атлантическом океане. А это значит, что еще целый год, до следующей заявочной кампании, он будет работать на Добровольского, будет моделировать ненавистные полимерные материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.